

К Р О К О Д И Л

ПРИЕМ
ТЕЛЕГРАММ

СРОЧНЫЕ —
ВНЕ ОЧЕРЕДИ

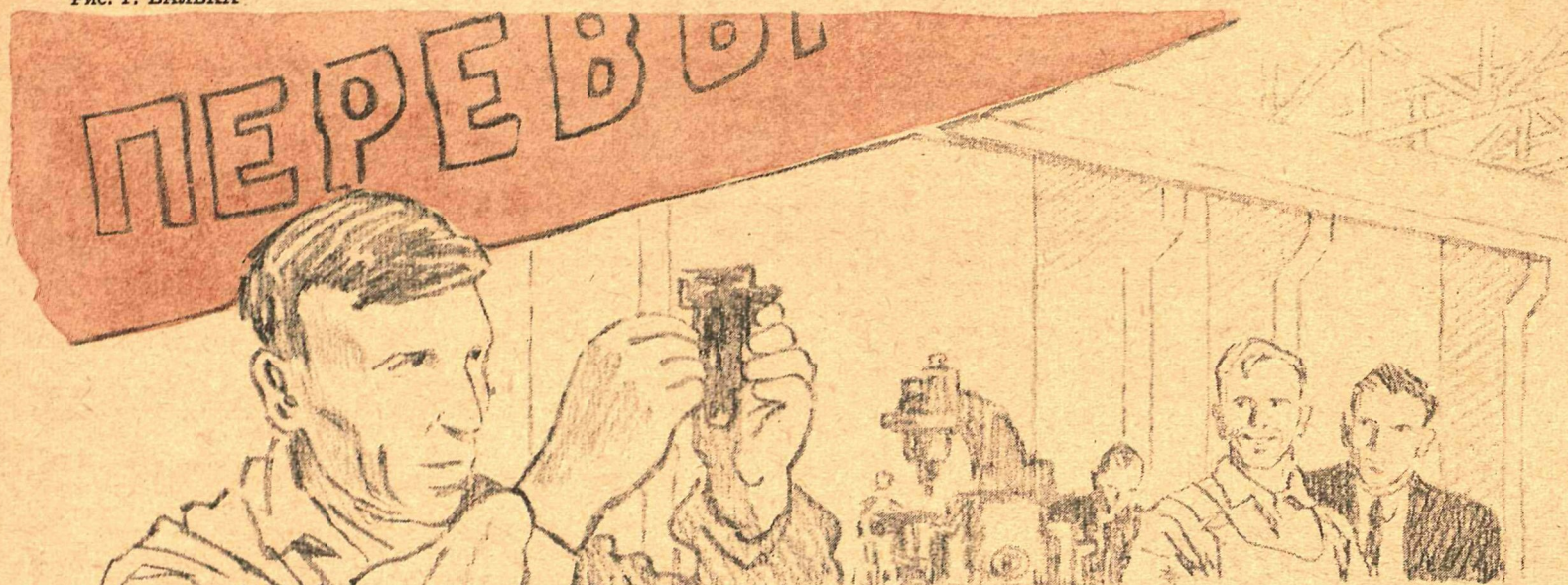

— Куда вы, гражданин? У вас
ведь не срочная!
— Правильно. Но у меня — до-
срочная!

Рис. В. ПРОРОКОВА

Рис. Г. ВАЛЬКА

— Здорово у него производительность труда повысилась. Любопытно, какие он методы применяет?
— А методы у него известно какие — российские.

Оказывается, возможно. Во избежание кривотолков мы сразу же назовём это учреждение: семенная льноводческая станция Летского района, Коми АССР. Возглавляет станцию тов. Иванова. Вслед за её фамилией в списке на заработную плату значатся: агроном Гордиенко, старший бухгалтер Акулик, счетовод, лаборант, заведующий складом и другие.

Один раз в год на долю этих сильно перегруженных товарищей выпадает тяжёлая обязанность: распределить по колхозам несколько центнеров семенной ссуды. После этого небольшого трудового перерыва вновь начинается счастливый многомесячный отпуск.

О последних посещениях колхозных опытных полей энергичные семеноводы начинают вспоминать всегда одной и той же фразой:

— Помню, был я до войны в одном колхозе...

Однажды в райкоме партии их упрекнули, мягко выражаясь, в праздности. На это последовал горделивый ответ:

— Мы подчиняемся непосредственно центру, и поэтому критика нашей работы в районных масштабах неуместна!

Исходя из этого, мы и решили написать об этом во всесоюзном журнале.

Выбрасывать на ветер государственные или общественные средства большого труда не составляет. Но некоторые работяги и это неприглядное действие стараются выдать за подобие какой-то полезной деятельности.

Работники промысловой кооперации Великолукской области неоднократно составляли планы увеличения местного производства продовольственных товаров. Из столицы вызывались специалисты по холодному и горячему копчению. С ними советовались, чего больше выпускать: окороков или корейки, какую колбасу предпочитает покупатель: копчёную или варёную? Много толковали и о грибах, какие деликатнее: солёные или маринованные, — и невредно бы, дескать, заложить в маринад корицы.

Досыта наговорившись, создали сектор, нечто вроде областного штаба по борьбе за увеличение товарооборота. Начальником штаба определили товарища Сидоренко, придали ему заместителя, ответственного исполнителя и счетовода.

Через полгода областные руководящие организации попросили у Сидоренко отчёта о проделанной борьбе. Товарищ Сидоренко попросил на составление сложного документа пять суток. По миновании срока он потребовал продлить его ещё на неделю:

— Опыта у нас ещё нет! Цифры разные, единицы измерения, тонны, килограммы...

Наконец, всё было подсчитано. Чтобы дать читателю полную возможность оценить достижения трудолюбивых радетелей, мы решили воспроизвести отчёт в наглядном, так сказать, графическом, виде. Это не стандартная форма. Отчёт написан от руки предприимчивым тов. Сидоренко:

СВЕДЕНИЯ О НАЛИЧИИ И СОСТОЯНИИ ПРОИЗВЕДЕННЫХ БАЗ ДЛЯ ПЕРЕРАБОТКИ С./Х. ПРОДУКТОВ ПО СИСТЕМЕ ПРОМКООПЕРАЦИИ

№	Наименование	План 1947 г.	Фактически имеется на 1/VIII—47 г.		Выпуск продукции за I полугод. кг.	Предполагается построить	
			кол.	суточн. мощн.		в III кв.	в IV кв.
					кол.	мощн.	
1	Колбасные	—	—	—	—	—	—
2	Коптильные	—	—	—	—	—	—
3	Грибоварочн. пункты	—	—	—	—	—	—
4	Засолочные	—	—	—	—	—	—
5	Квашпункты	—	—	—	—	—	—

Исполняющий обязанности уполномоченного промкооперации
Начальник сектора

(Сухоруков)
(Сидоренко)

Объяснять этот редкий документ нет надобности. Всё понятно без лишних слов. И лишь только для недоверчивых скепти-

ков хочется сказать несколько слов.

— Видите? К сожалению, возможно!

Арк. ВАСИЛЬЕВ

ЕЩЕ РАЗ
К ВОПРОСУ
О ВОЗМОЖНОМ
И НЕВОЗМОЖНОМ

МЫ МНОГИХ спрашивали: возможно ли на данном историческом этапе в нашей стране существование такого учреждения, где основной обязанностью работников является только расписываться в ведомости на заработную плату?

Одни в ответ игриво улыбались, подозревая с нашей стороны, какой-нибудь невинно-шаловливый подвох. Не склонные к юмору скептики сурово хмурили брови и, отмахиваясь, скучно тянули:

— Что вы пристаёте с пустяками! Да разве это возможно?

НА ПРИЕМЕ У ИЗДАТЕЛЯ

ПАРИЖСКИЙ издатель Жозеф Нури принимает авторов. Он сидит в своём кабинете за массивным письменным столом — седой, плотный, вполне уважаемый, — курит сигару и важничает.

Те времена, когда Жозеф Нури был мелким биржевым спекулянтом, давно канули в вечность.

Теперь он издатель модной литературы, покровитель писателей, столп культуры. Есть от чего заважничать!

Когда Жозеф Нури бросает взгляд на портреты великих французов, развешенные для солидности по стенам кабинета, ему кажется, что Вольтер, Флорбер, Мопассан и Франс взирают на него благосклонно и уважительно.

Входит секретарь — молодой человек, такой гибкий и верткий, что можно подумать: он без позвоночника.

— Много их там, Жак? — небрежно спрашивает господин Нури.

— Порядочно, дорогой шеф!

— Есть что-нибудь интересное?

— Боюсь, что нет!.. Ведь с тех пор как мы издали «Записки вора» господина Жана Жене, каждый карманник, промышляющий в вагонах метро, мечтает о литературной славе.

— Давайте их сюда. Посмотрим!

Жак исчезает с быстротой ящерицы.

В кабинет издателя вваливается первый автор. Это здоровенный верзила с опухшим лицом, одетый в поношенный пиджак и короткие — не по росту — брючки. Шея его окутана цветным шарфом. В руках он держит толстую тетрадь.

— Вот! — говорит верзила и кладёт на стол издателю свою пухлую рукопись. — Здесь моя исповедь. Издавайте, чорт с вами!

Издатель испытующе изучает испитую физиономию автора:

— Вор?

— Ре-це-ди-вист! — гордо заявляет автор. — Здесь всё описано.

И техника и переживания. Похлеще, чем у вашего Жана Жене. Сколько дадите за рукопись?

— Два раза по шее! — невозмутимо осприт Жозеф Нури.

— Шутите?!

— Нисколько!

— Но вы же сами писали в газетах, что интересуетесь низинами человеческого духа. А тут такие низины, что уже нельзя ниже. Возьмите! Не пожалейте!

Автор смотрит на издателя собачьим просящим взглядом.

Но издатель холоден и равнодушен, как уличный асфальт.

— Ко мне на приём, милейший, — говорит он, пыхтя сигарой, — каждый раз приходят не меньше десяти воров и штук пять громил. И каждый клянётся, что у него низины!..

Верзила хватается за соломинку и смущённо бормочет:

— Может быть... американцы переведут? Они там у себя, за океаном, любят такие... монографии!..

Жозеф Нури морщится:

— Эй богу, вы совершенный идиот! Неужели вы серьёзно думаете, что американских издателей может заинтересовать исповедь парижского карманника? Вот если бы вы были необыкновенный убийца... какой-нибудь там специалист по изготовлению котлет из грудных младенцев, тогда другое дело!..

— Хорошо! Я подумаю!..

— О чём подумаете?

— Об этих... о грудных младенцах! Уж больно хочется напечататься. До свиданья, господин Нури. Гуд бай, как говорится!

Верзила берёт со стола свою рукопись и идёт к двери.

— Стойте! — кричит издатель. — Жак, сюда!..

Когда в дверях появляется секретарь, издатель спокойно добавляет:

— Господин писатель вместе со своей рукописью взял со стола мой портсигар. Примите меры, Жак!

Жак молча смотрит на верзилу в упор.

Разговор глазами длится полсекунды. Потом автор, поёживаясь, лезет в карман и так же молча отдаёт секретарю золотой портсигар издателя.

Жак портсигаром, зажатым в руке, слегка стучает писателя два раза по шее.

Получив обещанный ему гонорар, неудачник скрывается.

— Давайте следующего, Жак! — вздыхая, говорит Жозеф Нури.

В кабинет входит пожилой бритый мужчина, одетый с подчёркнутой элегантностью.

Он садится в кресло, достаёт из шикарного портфеля тетрадь в кожаном переплёте и, похлопав по ней ладонью, заявляет:

— Двадцать лет я занимаюсь тем, что растлеваю малолетних. — Ну и растлевайте дальше на здоровье, — ледяным тоном отвечает Жозеф Нури.

Опешив, пожилой господин говорит, поднимая тетрадь:

— Здесь всё описано!.. Это... бездна духа!

— Отнесите вашу бездну к детскому издателю. Может быть, он издаст вашу... манную кашку.

— Слушайте! — волнуется пожилой господин. — Вы меня не понимаете... Я растлеваю малолетних!

Жозеф Нури поднимается из-за стола, суровый, строгий, презрительно надменный.

— Ваша тема пресна. Она не щекочет нервы. А я издаю только то, что щекочет! Не смею задерживать!

Пятясь задом, растлитель, смущённый и потный, с трудом добирается до двери. Потом Жозеф Нури принимает ещё одного вора, двух бывших бандитов и карточного шулера.

У всех низины и бездны, и все хотят напечатать свои мемуары. Зевая, Жозеф Нури небрежно листает страницы рукописей и лениво цедит сквозь зубы:

— Мамочку ухлопали?! Мило, но не подойдёт!

— Господин Нури, я не просто её ухлопал. Я потом пошёл в дансинг и плясал до утра. Я моральный выродок!

— Вы пасхальный барашек, милейший, а не выродок. Забирайте вашу преснятину и убирайтесь!

А на карточного шулера Жозеф Нури просто рычит:

— К чорту это воскресное чтиво для престарелых голубков! Наконец господин Нури прекращает приём.

— Жак, — томно бросает он секретарю, — я устал, Жак. И я в отчаянии. Я, действительно, не знаю, что издавать!..

— У меня есть одна идея, дорогой шеф! — вкрадчиво говорит Жак.

— Давайте её сюда, вашу идею!

— Я боюсь, дорогой шеф, что вы меня... не так поймёте! Но, верьте мне, я хочу только добра вашему предприятию!..

— Не тяните копа за хвост, Жак! Говорите!

— Я думал... почему бы вам, дорогой шеф, не издать свою автобиографию?.. Ведь это же перво-классный товар!

— Гм!.. Вы так думаете?

— А как же! Начали вы с того, что, извините, обокрали собственного отца!

— Да, обокрал. Правильно!

— Убив тем самым свою собственную мать... Правильно! Тем самым!

— Когда началась война, вы, извините, стали дезертиром.

— Опять правильно!

— Затем вы сотрудничали с немцами и выдали чим своего ближайшего друга, который мешал вам поживиться.

— Ошибка! Не друга, а брата!

— Ещё лучше. Теперь взять всю нашу издательскую деятельность. Ведь в «Юманите» опять написали, что мы растлеваем французские души... Одни наши встречи, извините, со всей этой шпаной, которая к вам приходит, чего стоят?! Это может быть очень интересно, дорогой шеф! Наймём безработного стилиста и паки низины духа откроем читателю, что сам Луи Селан помрёт от зависти! И оригинально: ни единого убийства, ни единого прямого грабежа, а читателя мороз по коже драть будет.

Жозеф Нури смотрит на своего секретаря и вдруг расплывается в счастливой улыбке:

— Вы знаете, Жак, это действительно идея!.. Молодец вы! Я вам прибавлю жалованья. Конечно, у меня есть что сказать публике. Придумаю себе псевдоним и напишу такую книжечку, что даже американцы ахнут! Название надо только хорошее придумать. Броское, яркое! Чтобы сразу брало за жабры!..

— И название уже есть, дорогой шеф! Только я боюсь, что вы обидитесь. Но ведь это для... дела, для успеха!

— Говорите скорее название, мой мальчик, не бойтесь!

— «Я подлец!»

— «Я подлец»?!! Неплохо! Просто хорошо!.. Блестяще! «Я подлец»! Это звучит гордо! Сейчас же, начнём составлять план... Скорее бумагу!

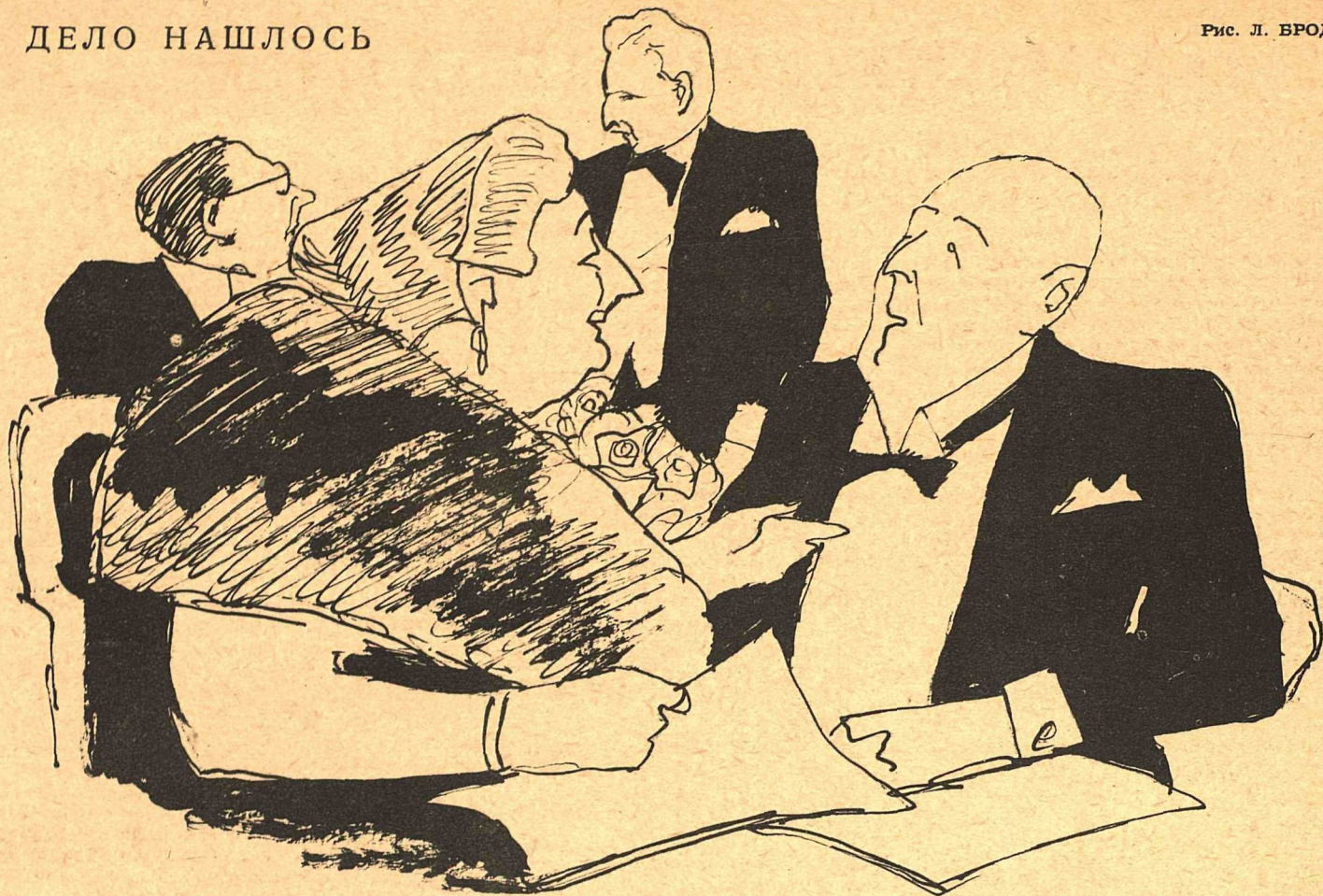
Человек-ящерица исчезает.

Жозеф Нури поднимается из-за стола и снова бросает взгляд на портреты великих французов, как бы приглашая их порадоваться вместе с ним.

Но великие французы непро-ницаемо немы, как и подобает быть портретам.

— У меня один сын в Китае советником, другой — в Греции инструктором, племянник — в Турции инспектором, а муж разъезжает по штатам и читает лекции о невмешательстве американцев в иностранные дела.

ЖАЛОВАТЬСЯ НЕ НА ЧТО...

Я ХОЧУ жаловаться... Но самое странное, что жаловаться как будто и не на что.

Наднях я был по делу у одного довольно крупного работника.

Думаете, меня не пропустили к нему? Пропустили. Когда я вошёл в приёмную, милостивая девушка, заявив по привычке: «Он занят», — всё-таки отправилась в кабинет доложить обо мне. Когда она вышла, лицо её сохраняло то неопределённое выражение, которое свойственно врачу, только что исследовавшему вас и ещё не решившему, за счёт чего отнести подозрительные хрипы из глубины вашего организма. Она развела руками и вопрос о том, заходить в кабинет или не заходить, предоставила решать мне самому.

Я приоткрыл дверь и, нажав на самые нежные лады своего голоса, спросил:

— Разрешите войти?

Кабинет был большой, и, возможно, я переусердствовал по части ладов, так что меня попросту не расслышали. Совершив несколько шагов вперёд, я обратился с тем же вопросом, теперь уже наполовину потерявшим смысл, так как было очевидно, что я вошёл.

Над столом я увидел низко опущенную голову, осенённую щедрой шевелюрой. Из-под шевелюры раздался звук, который мог означать и приглашение подойти и нечто совершенно противоположное.

Первый вариант меня больше устраивал, и я подошёл. Это не произвело никакого впечатления. Глава учреждения продолжал рассматривать бумаги. Он, очевидно, так был этим занят, что не нашёл времени, чтобы предложить мне сесть. Дабы сэкономить драгоценное время, я сел самовольно.

— Я вас слушаю, — это были первые членораздельные слова, с которыми ко мне обратились в кабинете.

Не будучи сторонником того взгляда, что можно слушать и читать одновременно, я всё же начал рассказывать о своём незамысловатом деле, коротко изложенном на бумаге, в уголку которой должна была возникнуть резолюция «Согласен» или что-нибудь в этом роде. Дело моё было служебное. Я хотел бы определить по выражению лица начальства, как оно реагирует на мою просьбу. Но сделать это было невозможно: я кончал изложение дела, но лица начальника так и не увидел. Признаться, я уже нехорошо подумал об этом незнакомом мне руководителе, обзывая его в мыслях и бюрократом и хуже. Но полной неожиданностью было для меня его движение к телефону. Я тут же раскаялся.

Как всё-таки быстро мы составляем мнение о человеке, не узнав его! Ну, замкнутый, ну, молчаливый. Но зато какая деловитость! Без лишних слов берёт трубку и, не желая заниматься писаниной, даёт распоряжение прямо по телефону.

Но после нескольких слов, сказанных по телефону, мысли мои двинулись вспять. Слова не имели никакого отношения к моему делу. Руководитель учреждения спрашивал, послан ли ему какой-то документ, о котором он говорил ещё вчера.

Затем последовали без всякой логической связи следующие поступки. Была вызвана секретарша, получившая наказ собраться на завтра к трём часам таких-то лиц на совещание. По телефону было испрошено согласие на получение бензина. Был затребован сотрудник аппарата и дано ему распоряжение.

Когда мы вновь остались один на один и звонить было, видимо, уже некуда, он, всё же не поднимая головы, протянул руку к заготовленной мной бумаге. Тут раздался телефонный звонок.

Разговор продолжался долго. Тем не менее, молчаливый по отношению ко мне, руководитель положил моё заявление перед собой и, придерживая трубку плечом, что-то начертил в заветном уголку.

Я был накалён до крайности. Совершенно очевидно, что меня толком не выслушали и отказали. Я решил дожидаться окончания разговора и потребовать, наконец, внимания к себе. Так оно и было бы, если б я не увидел резолюции: «Согласен». И подпись.

Что мне оставалось? Поблагодарить? Попрощаться? Но как сделать это с человеком, который даже не смотрел на меня? И всё же я не изменил, как мне казалось, долгу вежливости, нерешительно произнеся: «До свиданья».

Выйдя, я остановился перед столом секретаря.

— Д-да, — протянул я. — Странный у вас начальник.

— А что странного? Очень деловитый и знающий человек. Если вам отказали в просьбе, так вы уж готовы его обвинить ни в чём.

— В том-то и дело, что не отказали. И протянул своё заявление с отчётливо написанной резолюцией.

— Так в чём же дело? На что же вы жалуетесь?

И действительно, жаловаться мне как будто не на что.

Я. ГИК.

г. Баку.

ПОВЕСТЬ ОБ АННЕ, ИЛИ КАК СОЗДАВАЛСЯ ФЕЛЬЕТОН

Т ЕМА приходит во время езды. Особенно во время езды по железной дороге. А у нас не было темы для фельетона. Поэтому мы поехали из Воронежа в Анну. В пути мы решили, что будем искать тему на месте.

Прибыв в Анну, мы зашагали в поисках фактов. Один из нас предложил:

— Давай напишем фельетон на тему о бытовом обслуживании в районном центре. Злободневно! Актуально!

— Правильно! Набросаем план?
— Набросаем.

Садимся на крыльцо ближайшего дома. Вынимаем блокноты. Набрасываем: «Дом колхозника. Мест нет. Впускают после долгих препирательств».

— А может быть, в Анне и Дома колхозника нет?

— О, тогда!.. Тогда фельетон обеспечен. Пиши: «Осень. Приезжий в поисках ночлега. Ночь. Холод. Тёмные, незнакомые улицы...».

— Милости прошу, заходите, — слышим мы за своей спиной, — а то, вижу, подошли какие-то приезжие, сели на крыльцо, а войти стесняются... Прошу вас, заходите!

В дверях дома стояла добродушная полная женщина и гостеприимным жестом приглашала войти. Взглянув поверх неё, над дверью, мы увидели дощечку с надписью: «Анненский дом колхозника». Вошли. Видим: чисто, приятно.

— А клопы у вас есть? — спрашиваем мы с выражением надежды Петровну — так звали гостеприимную хозяйку Дома колхозника.

— Были... лет пять тому назад, вывели всех...

— А где тут можно позавтракать?

— А вот она, чайная-то, рукой подать.
— Не всё потеряно! Есть чайная...

Внешний и внутренний вид чайной оказался явно непригодным для... фельетона. Безукоризненно чистые салфетки, цветы, портреты, картины. И в довершение всего прекрасное пианино.

— Не красна изба углами, а красна пирогами, — сказали мы, бодро вздохнув, и усадились за стол.

Подошла симпатичная официантка в газовой косынке.

— Чего прикажете подать?

— Чай есть? — спросили мы в один голос и испытующе впились ей в глаза.

«Чая не держим, а водки сколько угодно».

Такой ответ мы ожидали. А услышали следующий:

— Чай? Пожалуйста. Вам с сахаром или с конфетами? Погуще или пожиже? В стаканах или приборчик подать?

Фельетону грозил явный крах. И вдруг мелькнула спасительная догадка: ясно, что анненские кооператоры ждут высокое начальство и... Вот это будет темка! Мировой заголовок! «Анненские очковтиратели». Или: «Очковтиратели из Анны». Нет. Лучше назовём свой фельетон так: «Под покровом газовой косынки». Звучно и интригует читателя.

— Послушайте...

— Меня зовут Марья Ивановна Заркина, — доверительно сообщила газовая косынка, — чего изволите?

— Подайте нам, Марья Ивановна, книгу жалоб и предложений.

«Уж она-то, — думаем, — правду-матку скажет!»

И вот мы читаем книгу жалоб:

«Со стороны обслуживающего персонала был в полном удовольствии. Парикмахер Тамбовского горпромкомбината С. Горюхов».

«Мы восхищены. Майор Свистунов».

Чем дальше мы читали книгу жалоб, тем больше в ней было благодарностей и тем меньше шансов на фельетон. Правда, после тщательного просмотра мы наконец узрели существенную жалобу:

«...Первое блюдо борщ был с женским волосом 10 сантиметров и жареная баранина (не разобрали). Прошу это урегулировать. Пуд. Мих. Щелькин. Петровский район, Октябрьский сельсовет».

По тщательным размышлениям над этой жалобой мы поняли, что все наши фельетонные замыслы,

висят на волоске. Увы, на данном волоске построить фельетон, прямо скажем, невозможно.

— Хлеба вам сколько подать к завтраку? — прервала Марья Ивановна наши волнообразные размышления.

— Хлеба? Актуально! Злободневно! — воскликнули мы, вспомнив, что Анненский район ряд лет не выполнял хлебозаготовок.

Разумеется и нынче... И мы пошли к секретарю райкома партии Ивану Ананьевичу Ярыгину.

— Здравствуйте, товарищ Ярыгин!
— Привет! Прошу садиться.

Сели.

— Уж осень, товарищ секретарь.

— Да, осень.

— Грачи скоро полетят.

— Полетят.

— Дождик пойдёт.

— Вполне возможно.

— Дороги испортятся.

— Испортятся дороги.

— А как же с хлебом, товарищ секретарь?

— С каким хлебом?

Ага! Смутился.

— Мы имеем в виду хлебопоставки.

— План хлебозаготовок район выполнил досрочно, ещё 26 августа. Сейчас колхозники сверх плана сдают...

«Что ни говори, интересно быть фельетонистом в Анне!» — подумали мы и пошли на вокзал.

Д. БЕЛЯЕВ,
В. ЖУРАВСКИЙ.

Село Анна,
Воронежской области.

Рис. В. ГОРЯЕВА

ЗАСЕКРЕЧЕННАЯ ГЛАСНОСТЬ

— Я не против того, чтобы предать гласности недостатки нашей работы, но сделать это, по-моему, нужно в узком кругу.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Грибник

Лес осенний в грусти умиленной
Багрецом и золотом поник...
Мимо пламенеющего клёна
С палочкой прошествовал грибник.

С весело всклокоченной бородкой,
С кузовком в руке и за спиной
Он проходит лёгкою походкой —
Ищущей, особенной, «грибной».

Пригибаясь, он поводит носом
И, ломая голые сучки,
От дубков кидается к берёзам,
На бегу ловя свои очки.

Вдруг глаза по-детски засверкали,
И грибник под нос себе поёт:
— Гриб, он любит, чтоб его искали,
Он к лентяю в руки не пойдёт!

Под зелёным подолом у ёлки
Притаился знатный боровик.
Отряхая бурые иголки,
В кузовок кладёт его грибник.

И, подобно гончей, стойку сделав,
Он нырнул в орешник и пропал...
Ах, я ротозей! Ведь этот белый
У меня под носом он сорвал!

НЕОБДУМАННЫЙ ПОСТУПОК

Бывают же на свете опрометчивые люди! Взять хотя бы, к примеру, редколлегию боевого листка «На острие веретена», выпускаемого на ленинградской фабрике «Веретено». Не понравилось, видите ли, им, что по вине главного механика Степанова произошёл на фабрике простой подъёмника и рабочие вынуждены были перетащить на себе несколько тонн пряжи.

Редколлегия взяла и поместила на Степанова карикатуру. Главному механику, естественно, это не очень понравилось, и он вырвал из листка своё изображение.

Учитывая острую нелюбовь Степанова к карикатуре, мы не стали его рисовать. Мы просто о нём написали. И с волнением ждём, что теперь будет.

АПОСТОЛ СОЛИДНОСТИ

Директор Лунинского стеклозавода товарищ Паршиков возвышается не только среди Пензенской области, как апостол солидности и пламенный борец за деловые отношения между хозяйственниками. Отблеск его неутомимой деятельности достиг и Жигулёвского комбината в городе Куйбышеве, куда он адресовал следующие вдохновенно-гневные строки:

«Получая Ваше письмо, которое Вы писали наверное не встроении в тоже время хочу Вам сообщить, что я Вам послал несколько писем в отношении отгрузки пива для завода но результатов не получил, а по этому считаю, что с Вашей стороны не солидно одновременно сообщаю, что пивных кружек могу Вам дать стекла оконного тоже при наличии Вашей солидности».

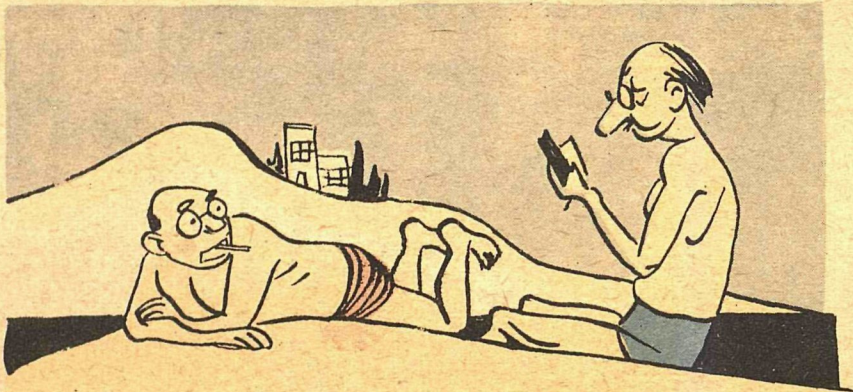
Ничего не жалеет товарищ Паршиков! Ни кружек, ни оконного стекла! Всё даст при наличии встречной солидности.

Рис. Ю. ГАНФА

НЕ ТОТ МАСШТАБ

— И зачем мне, скажи, орехи заготавливать? Я ведь кооператор, а не какая-нибудь белка!

ПИСАТЕЛИ НА ОТДЫХЕ

— Пушкин, говорят, больше всего работал осенью.
— Бездарно, однако, он проводил бархатный сезон.

ЗАБОТЛИВ

— Отойти в сторону, Васен!

НЕПРОМОКАЕМ

— А что — плащ этот
— Безусловно! Если зонттик.

НА МАЛЕНЬ

ТИХО и однообразно текла зимой жизнь на станции Фруктовая. Только раз в сутки, словно ветер с «Большой земли», прощумит мимо пассажирский поезд, сверкая огнями в морозных сумерках, а иногда, в глухую темень, забредёт на шлоотно дороги ошалевший от голода волк.

Но вот пришла и отшумела весна, отцвели сады, загудели степные горячие ветры. Под высоким солнцем налились соком тугие, краснобокие яблоки и золотистые груши, а в кудрявой зелени деревьев золотой россыпью замелькали добрые персики. Тогда в кабинете начальника станции резко и настойчиво зазвонил телефон:

— Фруктовая? Иван Иваныч? Привет степному отшельнику! Ну, как жизнь? Жизнь, говорю как? А?... Хорошо? К вам, между прочим, гости собираются. Комиссия. Опыт снегоборьбы изучать будут...

— Позвольте, товарищ начальник, да ведь сейчас лето!..

— Ничего! Можно и летом...

Иван Иванович, пожав плечами, положил трубку и придвинул к себе пачку свежих телеграмм.

«...Из управления Энской дороги тчк изучения опыта безотцепочной выгрузки вапгу станцию днями выезжает специальная бригада...»

«Что за оказия! — удивился Иван Иванович. — Какая же у нас безотцепочная выгрузка? Это, верно, не по нашему адресу...»

Он снял очки, протёр их и снова водрузил на место. Нет, в телеграмме было ясно сказано: «Фруктовая. Начальнику станции...» Иван Иванович с досадой отложил в сторону загадочную телеграмму и взялся за другую.

«...вашей станции, — ещё более изумляясь, читал он, — имеет-

ся ценный опыт восстановления командируется бригада...»

В третьей телеграмме сообщалось: «...для передачи вам опыта р сортировочных станций вам н

В четвёртой и пятой тоже бник станции ещё раз растеря и стал лихорадочно рассылать

«Механизированных горюк с отцепочную выгрузку на станци «Ансамблей железнодорожной инструкторовать некого...» — и

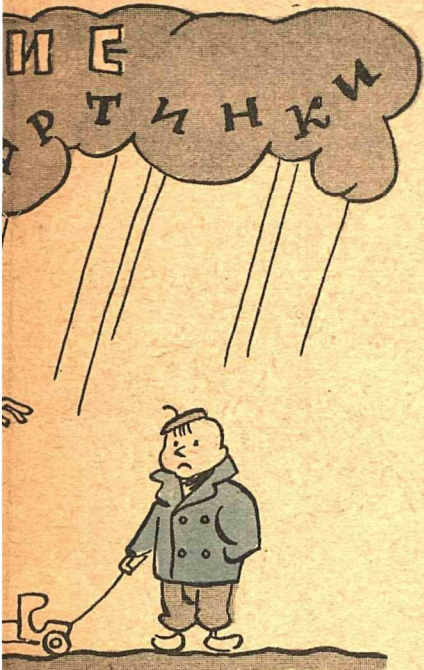
Но, видимо, разосланные «м Спустя неделю, в ясное, солнне ни с сего затормозил скорый служебный вагон, он умчался тые вихри пыли. Из вагона, с фожными полонами, вышел от шолянул носом воздух, напоён

— Хорошо! А ей богу, хоро вольствия даже причмокнул! Сколько лет, сколько зим! Ну! Всё в порядке? Вижу, вижу. Яблочки, абрикосы... Да, кстат ка, Федя!

Щурясь от яркого солнца, краснощекий, здоровенный па

— Выгружай тару! — скомае взяв под руку начальника ста

МАМАША
Ка! Ты стоишь под самой тучей!

АССОРТИМЕНТ
не будет промокать?
вы при этом купите у нас и

Шляпа обыкновенная
(цена — сто рублей).

Шляпа с пером.

Шляпа обыкновенная
(грош ей цена — прошила
пила овощезаготовки).

Шляпа с пером. Не за-
думываясь, подписала ли-
повый отчёт.

МЕСТО ГРЕЕТ ЧЕЛОВЕКА

- Чего ты такой грустный?
- Посылают на работу в Сухуми.
- Чем же ты недоволен?
- А охота, что ли, с такого тёплого местечка уезжать куда-то на юг!

ИРОНИЧЕСКАЯ СМЕСЬ

ДВЕ ЭПИГРАММЫ

1

Друзья, фамилию его
Почти в любом отчёте встретим.
Что написал он? Ничего!
А чем известен? Только этим.

2

Его ругают, как всегда.
И думает он — между нами, —
Когда ругают, — не беда,
Беда, — когда молчат годами!

М. ГОЛОДНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПАРОДИЯ
КОВЫЛИ-КОВЫЛИКИ

А. СОФРОНОВ

Зацветала травами чудесными
Степь степная из конца в конец.
Ой, да с Дона, да в Москву за песнями
Поскакал я, славный удалец!
Ты, дорожка, казака маститого
Не укачивай и не тряси.
Ты мне дай такого композитора,
Чтобы стал я славен на Руси.
Ой, да мы ещё посмотрим, кто ж кого,
Ой, да кто ж кого перепойёт:
То ли мы Михайлу Исаковского,
То ли, может быть, наоборот.
То ж не гром гремит, грозою радуя,
То ж не пушки бахают сейчас, —
То меня передают по радио
Каждый день по двадцать с чем-то раз.
Разливайся ж, песня молодецкая.
Я ли, что ли, в песнях не силен!
Ой, ты, моя мама — степь донецкая!
Ой, да ты, мой папа — Тихий Дон!

В. БАХНОВ

КОММУНАЛЬНОЙ СТАНЦИИ

ния жилфонда тчк ознакомле-
и п. д.
далось:
аботы механизированных горюк
аправляются...»
ыло что-то непонятное. Началь-
но перечитал все телеграммы
ь ответные «молнии»:
танции Фруктовая нет...», «Без-
ии Фруктовая не производим...»,
песни пляски Фруктовой нет
так далее, в том же духе.
олнии» действия не возымели.
ное утро на станции ни с того
Оставив на путях красивый
дальше, подымая за собой жёл-
зеркара серебряными железнодо-
ветственный товарищ и жадно
ный густым ароматом садов.
шо! — промолвил он и от удо-
убами. — А-а, Иван Иванович!
как вы тут начальствуете?
Чудесное место! Прямо курорт!
и, тара у меня в вагоне. А ну-
на подножке вагона показался
рень.
идовал приезжий товарищ и,
нции, направился прямо в сад.

Ночью ответственный товарищ прицепился к обратному
скорому и уехал. От его вагона по всему составу несло пря-
ным запахом молодой антоновки.

И с этого дня жизнь на маленькой, забытой станции закру-
жилась в бешеном водовороте. Люди, звонки, телеграммы...
Иван Иванович похудел, осунулся. Новые, необычные заботы
захватили его целиком: то он бежал в ближайший колхоз за
корзинами для фруктов, то доставал там же продукты на
прокормление различных представителей и уполномоченных
или просто пропадал неизвестно где, чтобы скрыться на час —
другой от назойливых бригад и комиссий. С раннего утра и
до поздней ночи не утихал над станцией разноголосый гомон.
Грузили, паковали, отправляли вишни, яблоки, груши, сли-
вы, абрикосы — всё, чем была богата Фруктовая, что росло в
округе и могло быть съедено.

Когда же поблекла на шригорках трава и на вытоптанную
землю садов упали первые жёлтые листья, вдруг стало опять
тихо и безлюдно на станции Фруктовая.

— К зиме у нас всё готово, — звонил в управление дороги
Иван Иванович. — Приезжайте, посмотрите...

— Ну, что вы, голубчик! — мягко отвечали оттуда. — Куда
же к вам теперь приезжать! Время не то, да и станция ваша
не такая уж значительная.

Иван Иванович клал трубку, надевал потёртую форменную
фуржку и, вздыхая, выходил на пустой перрон.

— Да, — говорил он, поглядывая на низкие, скудные обла-
ка. — Станция наша действительно тово... Глухомань!

С. КЛИМАНОВ

г. Винница.

ОПЕРАТИВНЫЙ
КАШИРСКИЙ

До чего оперативен директор Ашхабадской
филармонии тов. Каширский! Не успел в Турк-
мению приехать Петрозаводский театр оперет-
ты, как Каширский телеграфно известил на-
чальника Дома культуры в г. Кушка:

«Предлагаю ансамбль Петрозаводской опе-
ретты: «Роз-Мари», «Ярмарка невест», «Ко-
ломбина», «Сильва», «Баядера», «Марица». Каширский».

Не успела долететь эта телеграмма, как ди-
ректор филармонии лично позвонил из Ашха-
бада в Кушку и весело сказал:

— Готовьтесь встречать Петрозаводский те-
атр. Рекламируйте его. Сообщите о нём в мест-
ной печати. После завтра артисты выезжают.
Мой горячий привет жителям самого южного
города!

Едва успели вывесить в городе афиши и от-
крыть продажу билетов, как неугомонный
Каширский обрадовал кушкинцев новым изве-
стием:

«Выезд ансамбля оперетты не состоялся.
Привет. Каширский».

Привет и вам, тов. Каширский, от всех граж-
дан Кушки, так и не увидевших постановок
Петрозаводской оперетты.

Вначале и потом

На улице Гоголя,
Двадцать один,
Недавно открылся
Большой магазин.

На вывеске, сердце надеждою грея,
Написано золотом:
«ГАЛАНТЕРЕЯ».
Мы входим. Просторно. Уютно. Светло.
Сверкающий пол, никель, дуб и стекло.

Лежат под стеклом,
На блестящем прилавке,
Рубашки,

Подтяжки,
Застёжки,
Булавки

И неисчерпаемый ассортимент
Брелочков,

Платочков,
Тесёмок и лент.

Есть молнии,
Есть мундштуки из пластмассы...

Кассирша сидит у сверкающей кассы.
Директор, весьма импозантный на вид,
Стоит в стороне — за порядком следит.

Хоть мы ничего покупать не хотели,
А просто зашли по дороге, без цели,
Но так продавщица товар нам хвалила
И так улыбалась при этом нам мило,
Что мы пленены и взволнованы были,
И, помнится, всё-таки что-то купили.

Выходим, сияя, как в день именин,
И видим напротив другой магазин.

На вывеске значится:
«ГАЛА—ТЕРЕ»
«Я» — нету, от «Н» — сохранилось тире.

Мы входим. Темно. Неуютно. Уныло.
Полы позабыли про щётку и мыло.

Прилавки о тряпке давно позабыли
И стали невнятного цвета от пыли.

За сетью густой паутины на полке
Лежат три кашне и четыре иголки.

На вешалке, недалеко от прилавка,
Висит и скучает одна безрукавка.

На ящичке два продавца прикорнули,
Кассирша обед себе варит в кастрюле.

Бурлит в закоптелой кастрюле компот,
И пар в потолок из кастрюли плывёт.

Всё это второй магазин не смущает:
На первый он с наглой усмешкой взирает.

Скосив на соседа витрины пустые,
Он мрачно скрежещет, презренье тая:
— Когда-то, вот так же, сверкал, как и ты, я.
И скоро ты будешь таким же, как я!

Зачем мы всё это в стихах изложили?
В театре одном на премьерке мы были.
Купили билеты, явились и сели.

Вдохнули волторны, и скрипки запели.
Раздвинулся занавес. Вышел герой
И всех захватил вдохновенной игрой.
Мы были в восторге: сюжет, оформленье —
Всё сразу же нас привело в восхищенье.

Пред нами раскинулось море широко.
Вернулся к любимой герой издалёка.
Потом он решает остаться в порту
И ревностно в жизнь претворяет мечту.

Актёры игра... нет, они не играли,
А жили на сцене: любили, страдали.

И единодушные
Аплодисменты
Гремели в ответ им
В иные моменты.

Когда же герой стал читать монолог,
Мы даже, признаться, всплакнули разок.

Недавно мы были свободны и лично
На тот же спектакль заявили вторично.

Но что приключилось? У нас представленье
Тяжёлое вызвало недоуменье.

Стояли в порту корабли на причале,
Но задник был в складках и краски слиняли.

Актёры игра... нет, они не играли,
А что-то лениво под нос бормотали.

Всё было другим — мизансцены и гримы,
И в общем спектакля узнать не могли мы.

На сцену смотрели мы без интереса:
Унылой и глупой казалась нам пьеса.

Когда же герой стал читать монолог,
Мы даже, признаться, вздремнули разок.

Зачем мы об этом сейчас рассказали?

В одном учреждении мы побывали.

Там новый начальник порядок навёл:
Приёмник в приёмной поставил на стол.
Провёл, так сказать, не без треска и грома
Реформу —
Другую систему приёма.

И вот появился,
Одобрённый всеми,
Приёмник в приёмной
В приёмное время.

Чтоб люди в приёмной
Сидели, как дома,
Сидели спокойно
И ждали приёма,

Чтоб вальсы в приёмной
И песни звучали,
Чтоб люди, придя на приём,
Не скучали.

Но вот пролетели
Четыре недели,
И лампы в приёмнике
Перегорели.

И нет ни дивана, ни стульев в приёмной,
Приёмная стала угрюмой и тёмной.

И нового в новой приёмной системе
Осталось лишь то, что в приёмное время
Попасть на приём невозможно к нему.

Об этом мы вспомнили вот почему:

Бывает, что быстро проходит горенье,
И то, что недавно пылало, чадит,
Но это — не правило, а исключенье.
Об этом нам вся наша жизнь говорит.

Недавно, полуденным солнцем палимы,
Недлинной

Старинной
Неглинной
прошли мы.

Прошли, этой улицы не узнавая:
На ней не нашли мы ни рельс, ни трамвая.

Как будто расправила улица плечи,
Вбирая весёлый поток человеческий.

Её обновили
Рукою умелой,
И старая улица
Помолодела.

И так вся Москва: восемьсот ей, и что же?
Она всё красивей, она всё моложе.

Она всё нарядней,
Всё выше,
Всё шире,
И нету прекраснее города в мире.

Она с каждым годом всё краше, славней,
И даже столетья не властны над ней.

И вот мы желали бы, мы бы хотели,
Чтоб те, кого мы в фельетоне задели, —
Ленивый завмаг,
Бюрократ и худрук, —
Прошлись по Москве,
Посмотрели вокруг:

Растёт, хорошея родная столица,
Столица, которой нельзя не гордиться,
Столица, которая будет всегда
Светла,
Энергична,
Нова,
Молода.

Новей и красивей «потом», чем вначале...

Об этом мы, собственно, и рассказали!

Иллюстрации Вор. ЕФИМОВА

- Что ж вы свёклу с поля не возите?
- Машин ожидаемся.
- А если машин не будет?
- Тогда на волах будем возить.
- А почему сейчас на волах не возите?
- Машин ожидаемся.

НОВОСЕЛЬЕ

МИХАИЛ Иванович Сытников, председатель Красноярского горсовета, праздновал новоселье. Собрались самые близкие друзья. Каждого пришедшего Михаил Иванович самолично водил по квартире и любовно показывал всё до мельчайших подробностей. Гости шумно выражали свой восторг и поздравляли счастливого хозяина.

Наконец уселись за стол. Не станем описывать блюд и напитков, представших пред взором приглашённых, дабы не возбуждать аппетита у читателей. Пусть каждый составит меню сообразно своему вкусу, а мы тем временем перейдём лучше к тостам.

Их было много. С неподдельной искренностью сыпались пожелания здоровья, благополучия, успехов в работе и т. д. и т. п. В ответ на это сияющий Сытников поднял свой бокал, откашлялся и сказал:

— Позвольте мне, друзья мои, выпить за доктора Гаськова! Если бы не он, не видать мне этой квартиры, как собственных ушей! Спасибо ему! Большое спасибо!

— А вы разве чем-нибудь серьёзным болели, уважаемый Михаил Иванович? Что-то не слышно было, — спросил кто-то из присутствующих.

— Болел, да ещё как болел! — весело ответил Сытников.

— Чем же это, позвольте спросить?

— Болел отсутствием жилплощади. И вот доктор помог.

— Скажите, пожалуйста, какой интересный медицинский случай! Да... медицина — великая вещь! — заметил солидный голос.

Мы охотно присоединяемся к этому просвещённому мнению и скажем со всей откровенностью, что Михаил Иванович совершенно справедливо отметил заслуги доктора Гаськова.

Ведь квартира-то, в которой так уютно устроился Сытников, принадлежит, собственно, доктору Гаськову, а не ему.

Бесспорным доказательством этого может служить ордер № 111, выданный Красноярским горкомхозом Гаськову П. С. 18 августа с. г. на квартиру 27 в Доме врача и учителя по улице Ленина № 110. Гаськов в ней даже прописан. И не въезжал лишь потому, что приступил к ремонту. А на время ремонта ключ от своей квартиры по оплошности оставил у домуправа. Об этом узнал Сытников (ведь ему как хорошему председателю горсовета известна жизнь города до мельчайших подробностей) и быстро занял чужое жильё.

И вот теперь в приятном обществе отмечает это радостное событие и с удовольствием принимает поздравления с новосельем.

А в это время мимо дома № 110, может быть, проходит виновник торжества доктор Гаськов и с завистью глядит на яркоосвещённые окна бывшей своей квартиры...

А. МИХАЙЛОВ

НЕВЕРОЯТНО, НО ФАКТ СМЕРТОУБИЙСТВЕННЫЕ ПРОБКИ

Прокурор Луговского района, джабулской области, дал санкцию на арест гр. Дударёва за хранение детских пугачей и пробок к ним. Нарсуд осудил Дударёва на 3 года «за незаконное хранение огнестрельного оружия».

Преступник уличён! В коробке лежат не куклы, не мячи, — смертоубийственные пробки И, страшно молвить, пугачи! Райпрокурор не спал ночами И, закусивши удила, Он ради дела с пугачами Забросил срочные дела. Теперь в районе том игрушку Ребёнок просит, но в ответ Он слышит: Цыц! За эту пушку Как раз получишь десять лет!

БЕЛЬЕВОЕ ТОПЛИВО

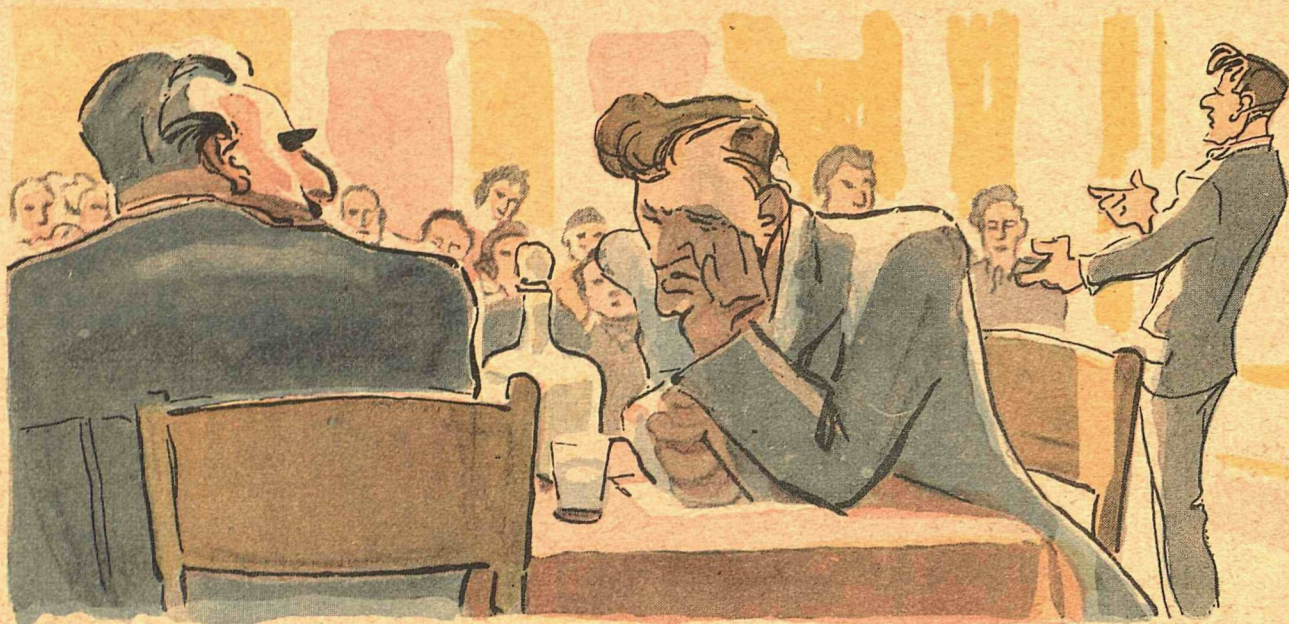
На станции Грозный (Орджоникидзевской железной дороги) башмачник Слюсарев просил в местком талон на топливо. Начальник станции Грозный тов. Агабалин написал резолюцию: «М. К. Выдать кальсоны».

Впервые пишется: «кальсоны», Хотя читается: «дрова». Видать, особого фасона Агабалина голова. Местком! Держись за принцип крепко. Пробыют возмездия часы: Агабалин попросит кепку, А ты вручишь ему трусы.

А. РАСКИН

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

На собрании с критикой выступали бухгалтер, экономист, старший и младший калькуляторы, товаровед...

На музыкальные темы

ВИРТУОЗЫ

С НЕКОТОРЫХ пор работников Соболевского районного культпросветотдела на Камчатке стал волновать вопрос, можно ли считать виртуозами директора Кировского рыбокомбината Шиянова и председателя завкома Авдеева.

Ведь виртуоз — это одарённый человек, с блеском исполняющий музыкальные произведения.

Мнения резко разошлись. Одни говорили, что Шиянов и Авдеев не владеют ни одним из музыкальных инструментов, другие утверждали обратное.

Этот спор вскоре разрешился. В адрес Соболевского райкультпросветотдела прибыли два новых аккордеона. Они предназначались сельским культпросветучреждениям, но очутились на квартирах Шиянова и Авдеева.

Когда культпросветчики намекнули директору и председателю завкома на то, что музыкальные инструменты предназначены не для них, Шиянов и Авдеев не на шутку обиделись:

— Что? Аккордеон не для нас? Вы просто невежи. Мы этому делу по двадцать лет обучались. Можно сказать, виртуозы. А с вас хватит и балалайки — тоже вещь невредная, если умеючи играть...

Впоследствии выяснилось, что Шиянов владеет не одним инструментом, а несколькими. Квартира его — это своего рода музыкальный магазин. Местные жители уверяют, что в нём нехватает только арфы и органа. Все инструменты приобретены таким же, «любительским» порядком.

СИТУАЦИЯ С ВАРИАЦИЯМИ

ЕСЛИ на далёкой Камчатке культпросветчики взволнованы виртуозными наклонностями некоторых руководителей, то ребят из детского дома шахты № 21 треста «Снежнйантрацит» озабочены другим музыкальным вопросом — о вариациях. Они знают, что вариации, согласно теории, бывают строгие и свободные.

К каким же, задумались ребята, отнести вариации управляющего трестом «Снежнйантрацит» Ивана Андреевича Ткаченко?

После долгих размышлений они отнесли их к строгим. Из комбината «Сталинуголь» прислали детям через орса треста новенькое коричневое пианино, издающее нежные звуки. А в зале детского дома почему-то очутился старый, дребезжащий, как ма-традная пружина, инструмент, и притом чёрного цвета.

Дети были поражены: неужели пианино само, без посторонней помощи, способно так варьировать, изменять свою окраску и свои музыкальные качества?

Но оказалось, что варьирует не пианино, а Иван Андреевич Ткаченко. С помощью услужливых работников Снежнйанского орса новое коричневое пианино он перевёз к себе на квартиру, а старое отправил в детский дом.

Вот и вся вариация.

Н. МАРКОВСКИЙ

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Из истории газетного дела известен факт, когда специальное издание ньюйоркского «Таймса», над созданием которого работали сотни журналистов, выходило в одном экземпляре и предназначалось для одного человека. Человеком этим был весьма престарелый архимиллионер, привыкший по утрам читать «Таймс». Чтобы не расстраивать папашу волнующими сообщениями о неустойчивости бытия, благодарные дети наняли целую редакцию, измышлявшую благополучные небылицы ко времени утреннего чаепития истлевающего денежного мешка.

Ныне факт повторился. В Нальчике не вся правда, газета «Кабардинская правда», а кусочек её выпущен в одном экземпляре и для одного человека. Человек этот — Илларионов, народный судья 1-го участка, рассматривавший дело о разводе супругов Труфановых. На уникальном листочке газетного листа было отсиснуто бракоразводное объявление, которое в остальном тираже так и не появилось. Подлог этот был совершён заместителем ответственного редактора Ковыршиным из гуманных побуждений: чтобы не взволновать население республики драмой, назревшей в семье его закадычного друга Александра Георгиевича Труфанова.

О. КРУГЛОВ

г. Нальчик.

Уважаемый Крокодил!

Просим объяснить, должна ли наша МТС при покупке пустых бочек у Ростовской конторы сельхозснабжения (Ярославской области) оплачивать также и воздух, содержащийся в приобретённой таре? Этот вопрос мы задаём неспроста. Через месяц после того, как мы рассчитались за покупку, с нас неожиданно были удержаны ещё 1300 рублей за якобы находившийся в бочках смазочный материал. Конечно, никакого смазочного материала мы не получали. В бочках находился только воздух, который, как известно, отпускается щедрой природой совершенно бесплатно.

Т. СОКОЛОВ,
директор Борисоглебской МТС,
Т. СИНИЦИН,
старший механик МТС

Дорогой Крокодил!

Лучшие умы бьются над проблемой долголетия — и всё пока безуспешно. А вот скромный судебный исполнитель 1-го участка народного суда Киевского района в Москве легко и просто разрешил этот животрепещущий вопрос. В

небольшом, но весьма убедительном документе, именуемом на судебном языке «Исполнительный лист», доказана им возможность продления жизни.

Такой исполнительный лист на взыскание с гр. Давыдовой Марии Ивановны 163 945 (сто шестьдесят три тысячи девятьсот сорок пять) рублей путём удержания из её заработной платы по 20 процентов ежемесячно получен плодовоощным комбинатом Военторга от упомянутого судебного исполнителя.

Но так как заработная плата Давыдовой составляет всего лишь триста рублей в месяц, то путём несложных арифметических действий легко установить, что Давыдова полностью выплатит эту сумму лишь в том случае, если проживёт около двухсот тридцати лет.

Срок солидный, ничего не скажешь. Однако придётся, видно, жить, раз на этом настаивает судебный исполнитель.

Ю. МОГИЛЕВСКИЙ

Москва.

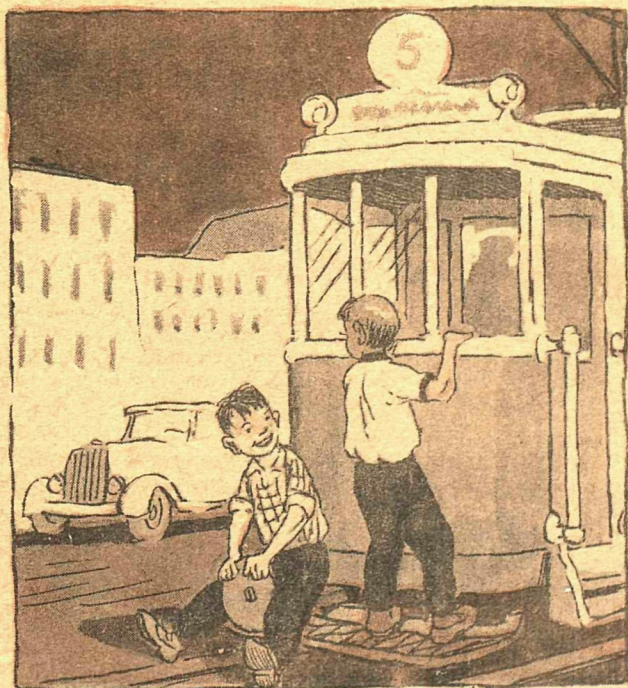
КРОКОДИЛ ПОМОГ

О В номере 19 Крокодила была опубликована заметка «Многолетняя Гончаров», в которой рассказывалось о том, что зав. Шурнабадским райфинотделом Таджикистана Гончаров незаконно получает пенсию по многогодности. Зам. министра финансов Таджикской ССР тов. Антонов сообщил, что Гончаров освобождён от занимаемой должности. Незаконно полученное пособие с него взыскано.

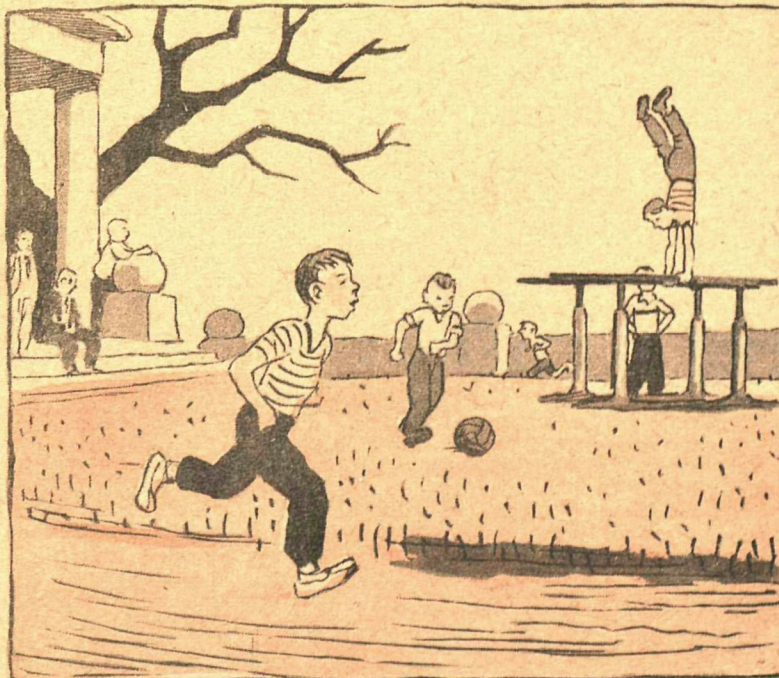
О В письме, полученном Крокодиллом, сообщалось, что зав. детским садом г. Солнечногорска Котельникова расхищает продукты, отпускаемые для детей. Письмо было направлено в управление милиции Московской области. Факты хищений подтвердились. Котельникова арестована.

ШКОЛЬНАЯ СПОРТИВНАЯ ПЛОЩАДКА...

Рис. Е. ЕВГАНА

...какая она бывает...

... и какой должна быть.

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, И. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц

Изд-во «Правда»

Москва.

Изд. № 666.

Подп. к печати 25/IX 1947 г.

Статформат 72x105 см. Печ. л. 1 1/2.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А — 08267.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Тираж 150 000 экз. Заказ № 2567.

48

7 ОКТ 1947

ВСЕСОЮЗНАЯ
ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ
ОБЪЕДИНЕННАЯ
КАМПАНИЯ
1947

В ЦЕЛЯХ ПРОФИЛАКТИКИ

7519

1609

Рис. И. СЕМЕНОВА

Уважаемые товарищи хозяйственники!
У меня в портфеле имеются оставшиеся от прошлой зимы карикатуры на всякого рода зимние неполадки. Не думайте, что я буду огорчен, если вы не дадите мне повода напечатать их в зимних номерах этого года. Наоборот, я буду очень доволен, если ты, товарищ управдом, своевременно запасешься топливом; если ты, товарищ председатель колхоза, не оставишь

ржаветь под снегом колхозный сельхозинвентарь; если спортивный магазин будет к зиме торговать лыжами, а не майками; если кооператор умело наладит хранение овощей; если железнодорожники вовремя поведут борьбу со снежными заносами.
А если я всё же напечатал вышеперечисленные карикатуры, то только, так сказать, профилактически, на всякий пожарный случай.